

Медико-социальная реабилитация в системе социальной работы

ПРИМЕНЕНИЕ ПЯТИФАКТОРНОЙ МОДЕЛИ ЛИЧНОСТИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ, ПСИХОДИАГНОСТИКЕ И ПСИХОТЕРАПИИ

Радюк О.М., Басинская И.В., Воронкова Я.Ю.

Белорусский государственный университет, г. Минск (Беларусь)

Пятифакторная модель личности описывает человека при помощи пяти черт (диспозиций, факторов), которые характеризуют проявляющуюся в широком спектре ситуаций склонность человека вести себя определённым образом [10]. Пять факторов данной модели [3; 9; 10; 28] – это:

1. «Оригинальность – Практичность», «Открытость опыту», «О»-фактор (от англ. “openness to experience”) – оригинальность, открытость новому опыту, новым идеям.

2. «Контролирование – Импульсивность», «Сознательность», «Добросовестность», «С»-фактор (от англ. “conscientiousness”) – контролирование, надёжность, саморегуляция.

3. «Энергичность – Сдержанность», «Экстраверсия», «Е»-фактор (от англ. “extraversion”) – экстраверсия, вовлеченность во внешний мир, направленная во внешний мир активность.

4. «Привязанность – Отделённость», «Дружелюбие», «А»-фактор (от англ. “agreeableness”) – привязанность, сотрудничество.

5. «Эмоциональность – Спокойствие», «Нейротизм», «N»-фактор (от англ. “neuroticism”) – нейротизм, негативная эмоциональность.

Каждый главный фактор (фактор высшего порядка), кроме того, включает в себя факторы низшего порядка – субфакторы, или грани. Грани (англ. “facets”) – это более конкретные черты (или компоненты обобщенных черт), которые образуют каждый из пяти факторов «большой пятерки» [10]. Без этих субфакторов понимание главных факторов может быть неполным, а в некоторых случаях даже неточным [25, с. 9].

Кросс-культурные исследования на базе переведенных на разные языки пятифакторных опросников неоднократно подтверждали общность структуры личности у представителей разных культур [15; 16; 18, с. 11292; 36, с. 105-125; 44; 48; 52]. Такая универсальная таксономия параметров индивидуальности выгодна для научных исследований, поскольку наличие систематики дает критерии для сопоставления индивидуальных различий [25, с. 8]. Однако, сложность кросс-культурных исследований включает в себя перевод описания черт и опросников с одного языка на другой.

В России проверку лексической гипотезы проводили А.Г. Шмелев и В.И. Похилько [13; 32]. Также был реализован совместный проект А.Г. Шмелева и Л. Голдберга, которые сравнивали факторные модели,

классифицирующие лексику черт в русском и английском языках. В результате было найдено устойчивое сходство четырех факторов из пяти [4].

Результаты исследований, проведенных независимо в разных странах, показывают, что результаты опросников оценки личности в рамках пятифакторной модели хорошо коррелируют с оценками по другим тестам, особенно с теми, которые построены на базе факторного анализа – с суперфакторами Г. Айзенка и с личностными измерениями, выделенными Р. Кеттеллом [2; 5; 10], что доказывает общность предыдущих факторных моделей и «большой пятерки». Кроме того, существуют доказательства корреляции данных пятифакторных опросников с данными, полученными с помощью других методов, например, Q-сортировки или психосемантических методов [10; 12].

Пятифакторная теория Р. Маккрея и П. Коста утверждает, что черты генетически предопределены [29]. Проведенные близнецовые исследования показали, что доля генетики составляет примерно 40% в формировании личностных черт [46]. Соответственно, свой вклад в развитие пяти факторов личности вносят как окружающая среда, так и наследственный фактор [10].

Эволюционный подход к пятифакторной модели считает, что черты человека формировались для обеспечения ему выживания и продолжения рода, т.е. с точки зрения естественного отбора, и все они решают определенные задачи [10, с. 298-299]. Популярное сегодня направление социального инвестирования Б. Робертса [34] предполагает, что развитие черт – это результат жизненного опыта, приобретенного из универсальных социальных ролей в ранней взрослости [27; 31; 33].

Биологическая концепция пятифакторной теории предполагает, что черты личности становятся стабильными к 30 годам. Многие лонгитюдные исследования разных возрастных групп показывали устойчивость и относительную неизменность начиная с 30 лет, что вписывается в общие представления о росте и развитии личности [10; 19; 43; 47]. До 30 лет параметры «большой пятерки» подвержены «росту, ведущему к приобретению большей зрелости». У подростков более выражены такие черты как «экстраверсия» и «нейротизм», но меньше «сознательность» и «дружелюбие» [10, с. 295], в то время как у взрослых людей, наоборот, есть тенденция к снижению выраженности «нейротизма», «экстраверсии» и «открытости» и повышению уровня «дружелюбия» и «сознательности» [15; 21; 27; 33]. Есть также исследования, которые показали, что от 33 до 42 лет снижается только «нейротизм», а средние величины остальных факторов увеличиваются [47]. «Открытость опыту», по некоторым данным, не является стабильно присутствующей чертой в детском возрасте – применительно к детям скорее можно говорить о любопытстве, воображении, творческом начале и интеллекте [49]. Также существуют небольшие различия в выраженности черт в разных возрастах в зависимости от пола. Например, установлено, что «нейротизм» снижается от ранней к средней взрослости только у женщин, тогда как у мужчин он остается неизменным [21].

Множество исследований, в особенности лонгитюдных, проводилось для того, чтобы установить, как черты характера могут повлиять на важные сферы жизни человека. К примеру, было выяснено, что они имеют прямое влияние на смертность, вероятность развода и карьерных достижений [53]. Другие исследования позволяют связать определенные черты личности со здоровьем, спрогнозировать продолжительность жизни [26]. К примеру, считается, что чем более выражен фактор добросовестности, тем более длинную жизнь способен прожить человек, за счет более ответственного отношения к своему здоровью и взвешенности своих поступков [41].

Современные исследования позволяют делать предположения о чертах личности человека по его профилю в социальной сети. Установлено, что активность пользователя социальной сети прямо пропорциональна уровню выраженности у него экстраверсии и нейротизма. Кроме того, наличие экстраверсии может в принципе определять наличие у человека профиля в социальной сети. Чем выше у индивидов развита добросовестность, тем реже они используют аватары-заменители и чаще используют собственные фотографии [14].

Как и любая другая теория, пятифакторная модель имеет как приверженцев, так и тех, кто подвергал ее критике [17; 23; 24; 40]. Особенно яркие споры вели сторонники и основатели «большой пятерки» с Дж. Блоком, Г. Айзенком, Р. Кеттеллом [30]. Г. Айзенк критиковал пятифакторную модель за ее атеоретичность, Р. Кеттелл утверждал следующее: «Ни один специалист, имеющий опыт в факторном анализе, не разделит бы энтузиазма доктора Голдберга относительно пяти факторов» [8, с. 188].

П. Коста и Т. Видигер вынесли предположение, что личностные расстройства можно диагностировать с помощью пятифакторной модели, если принимать их за крайние значения по определенным шкалам. Например, антисоциальная личность будет обладать очень низким значением по фактору «дружелюбия», а навязчивости будут проявляться в крайне высоких показателях фактора «сознательности» [10; 20; 22; 57]. Эта идея получила широкое развитие [45; 56; 59] и беспрецедентную возможность интегрировать пятифакторную модель в официальную нозологию [50; 60; 61]. Пятифакторная модель стала использоваться в Руководстве по диагностике и статистике психических расстройств (Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders – DSM), сначала как дополнительная секция в DSM-IV-TR, а затем, полностью заменив раздел классических психопатий в DSM-V на классификацию дименсий нормальной и патологической структур личности [37–39; 42; 54; 58].

Есть исследования, которые предполагают, что пятифакторная модель может предсказать предрасположенность к послеродовой депрессии [55]. Также было установлено, что с помощью методик «BFI» и «Mini markers» можно диагностировать риски развития тревожно-депрессивных и соматоформных расстройств и дифференцировать здоровых пациентов и

пациентов с вышеуказанными расстройствами [1; 6]. Кроме того, были выявлены достоверно значимые связи между некоторыми факторами и наличием психопатологических симптомов при изучении пациентов с депрессивными, невротическими, связанными со стрессом и соматоформными расстройствами. Так, например, фактор нейротизма связан с различными невротическими симптомами, фактор добросовестности отрицательно коррелирует с проявлением депрессивных, астенических и многих других расстройств [7].

Пятифакторная модель находит свое применение так же и в психотерапии. Во-первых, понимание личностных особенностей клиента позволяет консультанту прогнозировать, что приблизительно он может ожидать от такого типа личности: как клиент будет работать с домашними заданиями, относиться к психотерапевту и психотерапии и т.п. [10, с. 302; 11]. К примеру, пациенты с низким уровнем нейротизма могут ошибочно восприниматься терапевтом как сопротивляющиеся или же безразличные; сильно выраженная экстраверсия добавляет клиенту энтузиазма для прохождения терапии; высокий показатель открытости новому опыту у клиента позволяет ему легче говорить о своих и чужих чувствах, лучше воспринимать аналогии и метафоры; высокий уровень сотрудничества позволяет легко установить терапевтический альянс, но может мешать критическому осмыслению предложенных терапевтом идей; чрезмерно выраженная добросовестность может вылиться в перфекционизм и замедлить процесс терапии [11]. Во-вторых, пятифакторная модель может помочь подобрать оптимальный тип терапии для данного конкретного человека, подобно диагностике для выбора профессии. Для кого-то, например, с высокими показателями по открытости новому опыту, будут более эффективны проективные, необычные, творческие методы терапии; в обратном же случае будут показаны более директивные формы. В-третьих, диагностический инструментарий пятифакторной модели, имеющий формы для самооценки и для оценки окружающими, может быть использован в семейном консультировании. Когда, к примеру, супругов просят заполнить вопросники о себе и о партнере, а затем сравнивают полученные результаты, становится видны расхождения в том, как индивид видит себя сам, и как он воспринимается партнером [10, с. 302].

Черты личности также могут предсказать, способен ли человек ставить себе глобальные жизненные цели. Было установлено, что высокий уровень экстраверсии и низкий уровень дружелюбия (нарциссизм, как определили данное сочетание авторы исследования) – это самый вероятный профиль, для которого свойственна постановка глобальных жизненных целей. Наименьшую взаимосвязь жизненные цели получили с нейротизмом [51].

Шкалы пятифакторной модели также были исследованы применительно к академической успеваемости. Было обнаружено, что более успевающие студенты имели более высокие показатели по добросовестности и более низкие по нейротизму. Другое исследование показало, что в

дополнение к академической успеваемости, «большая пятерка» эффективно предсказывает предпочитаемые стили обучения [35].

Таким образом, пятифакторная модель строится на чертах личности – склонностях человека вести себя определенным образом. Каждый из пяти главных факторов включает в себя факторы второго порядка – субфакторы.

Структура модели воспроизводит себя на разных языках и в разных культурных средах, а также хорошо коррелирует с другими факторными теориями, оценивающими сходные черты. Вопрос биологической и социальной обусловленности черт на сегодняшний день остается открытым.

Большинство исследований сходятся во мнении, что после 30 лет черты личности с большего остаются неизменными, однако появились исследования, описывающие так называемый «эффект зрелости». Эти исследования находят подтверждение того, что с возрастом личность становится более спокойной и доброжелательной.

Пятифакторная модель личности позволяет делать прогнозы и давать рекомендации для многих сфер жизни человека, поэтому может широко использоваться в рамках психологического консультирования. Кроме того, она способна полностью заменить собой классическую классификацию психопатий в клинике. Неоценимый вклад вносит диагностический инструментарий пятифакторной модели и в процесс психотерапии.

Литература:

1. Ассанович, М.А. Метод оценки личности с использованием опросников в рамках пятифакторной модели в клинической практике: инструкция по применению / М.А. Ассанович, Н.В. Крюк. – Гродно: Гродненский государственный медицинский университет, 2013. – 15 с.
2. Барановская, М.С. Пятифакторная модель личности П. Коста и Р. МакКрея и ее взаимосвязь с факторными теориями личности Г. Айзенка и Р. Кеттела / М.С. Барановская // Психологический журнал. – 2005. – № 4. – С. 52-57.
3. Бурлачук, Л.Ф. Словарь-справочник по психодиагностике. Т. 1 / Л.Ф. Бурлачук. – 2007. – 1689 с.
4. Голдберг, Л.Р. Межкультурное исследование лексики личностных черт Большая Пятерка факторов в английском и русском языках / Л.Р. Голдберг, А.Г. Шмелев // Психологический журнал. – 1993. – Т. 14. – № 4. – С. 32-39.
5. Князев, Г.Г. Валидизация русскоязычной версии опросника Л. Голдберга Маркеры факторов «большой пятерки» / Г.Г. Князев, Л.Г. Митрофанова, В.А. Бочаров // Психологический журнал. – 2010. – Т. 31. – № 5. – С. 100-110.
6. Крюк, Н.В. Анализ дифференцирующей способности личностных опросников BFI и Mini markers / Н.В. Крюк // Журнал Гродненского

государственного медицинского университета. – 2013. – Т. 43. – № 3. – С. 77–79.

7. Крюк, Н.В. Оценка особенностей личности при депрессивных, невротических и соматоформных расстройствах / Н.В. Крюк // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. – 2013. – № 4. – С. 16-23.

8. Лаак, Я. Психодиагностика: проблемы содержания и методов / Я. тер Лаак; ред. Г.В. Бурменская. – Москва, Воронеж: М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 384 с.

9. Мещеряков, Б.Г. Современный психологический словарь / Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – 2007. – 633 с.

10. Первин Л., Психология личности: Теория и исследования / Л. Первин, О. Джон. – Москва: Аспект Пресс, 2000. – 607 с.

11. Радюк, О.М. Характер и психотерапия: влияние «Большой пятерки» личностных особенностей пациента на эффективность когнитивно-поведенческой психотерапии / О.М. Радюк // II Международный съезд Ассоциации когнитивно-поведенческой психотерапии: сборник научных статей. – 2016. – С. 77-91.

12. Шмелев, А.Г. Психодиагностика личностных черт / А.Г. Шмелев. – Санкт-Петербург: Речь, 2002. – 480 с.

13. Шмелев, А.Г. Репрезентативность личностных черт в сознании носителя русского языка / А.Г. Шмелев, В.И. Похилько, А.Ю. Козловская-Тельнова // Психологический журнал. – 1991. – Т. 12. – № 2. – С. 27-44.

14. Щебетенко, С.А. Большая Пятерка черт личности и активность пользователей социальной сети «ВКонтакте»: Психология / С.А. Щебетенко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2013. – С. 73-83.

15. Age Differences in Personality Across the Adult Life Span: Parallels in Five Cultures / R.R. McCrae [и др.] // *Developmental Psychology*. – 1999. – Т. 35. – № 2. – С. 466-477.

16. Assessing the Universal Structure of Personality in Early Adolescence: The NEO-PI-R and NEO-PI-3 in 24 Cultures / F. De Fruyt [и др.] // *Assessment*. – 2009. – Т. 16. – Assessing the Universal Structure of Personality in Early Adolescence. – № 3. – С. 301-311.

17. Boyle, G.J. Critique of the five-factor model of personality / G.J. Boyle // *Humanities & Social Sciences papers*. – 2008. – Т. Paper 297.

18. Carstensen, L.L. Adult personality development / L.L. Carstensen // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. – Elsevier Science Ltd., 2001. – С. 11290-11295.

19. Cobb-Clark, D.A. The Stability of Big-Five Personality Traits / D.A. Cobb-Clark, S. Schurer. – Institute for the Study of Labor (IZA), 2011.

20. Costa, P.T.J. Personality Disorders and the Five-Factor Model of Personality / P.T.J. Costa, T.A. Widiger. – American Psychological Association (APA), 2002.

21. Development of Personality in Early and Middle Adulthood: Set Like Plaster or Persistent Change? / S. Srivastava [и др.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2003. – Т. 84. – № 5. – С. 1041-1053.
22. DSM-IV personality disorders and the Five-Factor Model of personality: a multi-method examination of domain- and facet-level predictions / R.M. Bagby [и др.] // *European Journal of Personality*. – 2005. – Eur. J. Pers. – № 19. – С. 307-324.
23. Eysenck, H.J. Dimensions of personality: 16, 5 or 3? Criteria for a taxonomic paradigm. *Personality and Individual Differences*, 12, 773-790 / H.J. Eysenck // *Personality and Individual Differences*. – 1991. – Т. 12. – Dimensions of personality. – № 8. – С. 773-790.
24. Eysenck, H.J. Four Ways Five Factors Are Not Basic / H.J. Eysenck // *Personality and Individual Differences*. – 1992. – Т. 13. – № 6. – С. 667-673.
25. Goldberg, L.R. A Broad-Bandwidth, Public-Domain, Personality Inventory Measuring the Lower-Level Facets of Several Five-Factor Models / L.R. Goldberg // *Personality Psychology in Europe* / ред. I. Mervielde [и др.]. – Tilburg, The Netherlands: Tilburg University Press, 1999. – Т. 7. – С. 7-28.
26. Hagger-Johnson, G.E. Conscientiousness facets and health behaviors: A latent variable modeling approach / G.E. Hagger-Johnson, M.C. Whiteman // *Personality and Individual Differences*. – 2007. – Т. 43. – Conscientiousness facets and health behaviors. – № 5. – С. 1235-1245.
27. Hudson, N.W. Personality Trait Development and Social Investment in Work / N.W. Hudson, B.W. Roberts, J. Lodi-Smith // *Journal of research in personality*. – 2012. – Т. 46. – № 3. – С. 334-344.
28. John, O.P. Paradigm shift to the integrative Big Five Trait taxonomy: History, Measurement, and Conceptual Issues / O.P. John, L.P. Naumann, C.J. Soto // *Handbook of personality: Theory and research* : Berkeley Personality Lab. – NY: Guilford Press, 2008. – С. 114-158.
29. McCrae, R.R. The Five-Factor Theory of Personality / R.R. McCrae, P.T. Costa Jr // *Handbook of Personality: Theory and Research* / ред. O.P. John, R.W. Robins, L.A. Pervin. – 2008. – С. 159-181.
30. McCrae, R.R. The Place of the FFM in Personality Psychology / R.R. McCrae // *Psychological Inquiry*. – 2010. – № 21. – С. 57-64.
31. Roberts, B.W. Evaluating Five Factor Theory and social investment perspectives on personality trait development / B.W. Roberts, D. Wood, J.L. Smith // *Journal of Research in Personality*. – 2004. – Т. 39. – С. 166-184.
32. Shmelyov, A.G. A taxonomy-oriented study of Russian personality-trait names / A.G. Shmelyov, V.I. Pokhil'ko // *European Journal of Personality*. – 1993. – Т. 7. – № 1. – С. 1-17.
33. Smith, J.L. Examining the social investment hypothesis: The relationship of social role investment and personality trait development in adulthood / J.L. Smith. – UNIVERSITY OF ILLINOIS AT URBANA-CHAMPAIGN, 2008.

34. Social investment - Employment, Social Affairs & Inclusion - European Commission [Электронный ресурс]. – URL: <http://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1044> (дата обращения: 27.04.2016).
35. The Big Five personality traits, learning styles, and academic achievement : Digit Ratio (2D:4D) and Individual Differences Research / M. Komarraju [и др.] // *Personality and Individual Differences*. – 2011. – Т. 51. – № 4. – С. 472-477.
36. The five-factor model of personality across cultures / ред. R.R. McCrae, J. (Eds. . Allik. – 2002.
37. Trull, T.J. Dimensional models of personality: the five-factor model and the DSM-5 / T.J. Trull, T.A. Widiger // *Dialogues in Clinical Neuroscience*. – 2013. – Т. 15. – Dimensional models of personality. – № 2. – С. 135-146.
38. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders: DSM-IV [Internet] / American Psychiatric Association. – American Psychiatric Association, 1994.
39. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders: DSM-V / American Psychiatric Association. – American Psychiatric Association, 2013.
40. Block, J. A contrarian view of the five-factor approach to personality description / J. Block // *Psychological Bulletin*. – 1995. – Т. 117. – № 2. – С. 187-215.
41. Bogg, T. Conscientiousness and health-related behaviors: a meta-analysis of the leading behavioral contributors to mortality / T. Bogg, B.W. Roberts // *Psychological Bulletin*. – 2004. – Т. 130. – Conscientiousness and health-related behaviors. – № 6. – С. 887-919.
42. Bornstein, R.F. Toward a multidimensional model of personality disorder diagnosis: implications for DSM-5 / R.F. Bornstein // *Journal of Personality Assessment*. – 2011. – Т. 93. – Toward a multidimensional model of personality disorder diagnosis. – № 4. – С. 362-369.
43. Costa, P.T. Personality in adulthood: a six-year longitudinal study of self-reports and spouse ratings on the NEO Personality Inventory / P.T. Costa, R.R. McCrae // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1988. – Т. 54. – Personality in adulthood. – № 5. – С. 853-863.
44. Cross-Cultural Assessment of the Five-Factor Model The Revised NEO Personality Inventory / R.R. McCrae [et al.] // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 1998. – Vol. 29. – № 1. – P. 171-188.
45. Dimensional models of personality disorder: Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders Fifth Edition and beyond / T.J. Trull [и др.] // *Current Opinion in Psychiatry*. – 2007. – Т. 20. – Dimensional models of personality disorder. – № 1. – С. 52-56.
46. Jang, K.L. Heritability of the big five personality dimensions and their facets: a twin study / K.L. Jang, W.J. Livesley, P.A. Vernon // *Journal of Personality*. – 1996. – Т. 64. – Heritability of the big five personality dimensions and their facets. – № 3. – С. 577-591.

47. Long-term stability in the Big Five personality traits in adulthood / J. Rantanen [и др.] // *Scandinavian Journal of Psychology*. – 2007. – Т. 48. – № 6. – С. 511-518.

48. McCrae, R.R. Universal features of personality traits from the observer's perspective: data from 50 cultures / R.R. McCrae, A. Terracciano, Personality Profiles of Cultures Project // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2005. – Т. 88. – Universal features of personality traits from the observer's perspective. – № 3. – С. 547-561.

49. Mervielde, I. Linking openness and intellect in childhood and adulthood / I. Mervielde, F. De Fruyt, S. Jarmuz // *Parental descriptions of Child Personality: Developmental antecedents of the Big Five ?* – Hillsdale, 1998. – С. 105-126.

50. Personality in DSM-5: helping delineate personality disorder content and framing the metastructure / R.F. Krueger [и др.] // *Journal of Personality Assessment*. – 2011. – Т. 93. – Personality in DSM-5. – № 4. – С. 325-331.

51. Roberts, B.W. Broad Dispositions, Broad Aspirations: The Intersection of Personality Traits and Major Life Goals / B.W. Roberts, R.W. Robins // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2000. – Vol. 26. – Broad Dispositions, Broad Aspirations. – № 10. – P. 1284-1296.

52. The five-factor personality inventory: cross-cultural generalizability across 13 countries / A.A. Jolijn Hendriks [et al.] // *European Journal of Personality*. – 2003. – Vol. 17. – The five-factor personality inventory. – № 5. – P. 347-373.

53. The Power of Personality: The Comparative Validity of Personality Traits, Socioeconomic Status, and Cognitive Ability for Predicting Important Life Outcomes / B.W. Roberts [et al.] // *Perspectives on Psychological Science*. – 2007. – Vol. 2. – The Power of Personality. – № 4. – P. 313-345.

54. Trull, T.J. The Five-Factor Model of personality disorder and DSM-5 / T.J. Trull // *Journal of Personality*. – 2012. – Т. 80. – № 6. – С. 1697-1720.

55. Udovičić, S. Big Five Personality Traits and Social Support as Predictors of Postpartum Depression / S. Udovičić // *Journal of European Psychology Students*. – 2014. – Vol. 5. – № 3. – P. 66-73.

56. Widiger, T.A. A dimensional model of personality disorder: proposal for DSM-V / T.A. Widiger, J.R. Lowe // *The Psychiatric Clinics of North America*. – 2008. – Т. 31. – A dimensional model of personality disorder. – № 3. – С. 363-378, v.

57. Widiger, T.A. Alternative dimensional models of personality disorder: finding a common ground / T.A. Widiger, E. Simonsen // *Journal of Personality Disorders*. – 2005. – Т. 19. – Alternative dimensional models of personality disorder. – № 2. – С. 110-130.

58. Widiger, T.A. An integrative dimensional classification of personality disorder / T.A. Widiger, W.J. Livesley, L.A. Clark // *Psychological Assessment*. – 2009. – Т. 21. – № 3. – С. 243-255.

59. Widiger, T.A. Five-factor model of personality disorder: a proposal for DSM-V / T.A. Widiger, S.N. Mullins-Sweatt // *Annual Review of Clinical*

Psychology. – 2009. – Т. 5. – Five-factor model of personality disorder. – С. 197-220.

60. Widiger, T.A. Integrating normal and abnormal personality structure: a proposal for DSM-V / T.A. Widiger // Journal of Personality Disorders. – 2011. – Т. 25. – Integrating normal and abnormal personality structure. – № 3. – С. 338-363.

61. Widiger, T.A. Integrating normal and abnormal personality structure: the Five-Factor Model / T.A. Widiger, P.T. Costa // Journal of Personality. – 2012. – Т. 80. – Integrating normal and abnormal personality structure. – № 6. – С. 1471-1506.

СОЦИАЛЬНО-МЕДИЦИНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ЗАБОЛЕВАНИЙ: ОПЫТ РАБОТЫ БЕЛГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Никулина Т.В., Никулина Т.Н.

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород*

Главной задачей социальной работы является сохранение и поддержание человека, а также группы или коллектива в состоянии энергичного, творческого отношения к себе и своей жизнедеятельности.

«Любой социальный субъект, в период всей своей жизни много раз сталкивается с ситуациями, при которых рушится привычная для него модель жизнедеятельности, рвутся сформировавшиеся социальные связи и отношения. В данных условиях субъекту нужно не только свыкнуться и адаптироваться к новым условиям жизни, но и необходимо постараться вернуть потерянные социальные позиции, воссоздать эмоциональные, психологические и физические ресурсы, а также необходимые социальные связи и отношения» [1, 34].

Понятие реабилитации употребляется в разнообразных областях науки и практики и содержит в себе ряд аспектов: социальный, психологический, медицинский, правовой и профессиональный. Остановимся на сущности понятий «реабилитация» и «социальная реабилитация».

Согласно К. Реннеру и Г. Юмашеву «реабилитация содержит в себе общественно нужное функциональное и социально-трудовое восстановление больных и инвалидов, как детей, так и взрослых, воплощать в действительность комплексное применение психологических, педагогических, медицинских, юридических, общественных, государственных и других мероприятий» [2, 21].

Основными видами социальной реабилитации являются социально-медицинская, социально-психологическая, социально-педагогическая, профессиональная, трудовая и социально-средовая реабилитация.